

ФЕМИНИСТСКИЕ РЕФЛЕКСИИ О ПОЛЕВОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Елена Здравомыслова, Анна Тёмкина

Елена Здравомыслова – профессор ЕУСПб, координатор проектов ЦНСИ. Адрес для переписки: Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 3, Санкт-Петербург, 191187, Россия. zdrav@eu.spb.ru

Анна Тёмкина – профессор ЕУСПб, профессура Новартис по общественному здоровью и гендеру. Адрес для переписки: Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 3, Санкт-Петербург, 191187, Россия. temkina@eu.spb.ru

Мы благодарны Марине Хаккарайнен за ценные комментарии, а также всем нашим студентам и коллегам, с которыми мы обсуждали феминистские принципы полевой работы.

Данная статья посвящена вопросу о том, что такое феминистское исследование и как его осуществить на практике. Мы обсуждаем феминистские принципы полевой работы, среди которых: этика заботы, эгалитарное сотрудничество исследователя и информанта, признание значимости ситуационного (локального) знания, стремление вооружить исследуемых новым знанием в целях улучшения их положения. Мы рассматриваем вопросы, которые порождают эти принципы, а именно – существуют ли особые феминистские методы? Всегда ли озвученный опыт угнетенных достаточен для понимания социального неравенства? Возможно ли реализовать принцип эгалитарности в исследовательской ситуации? Какие проблемы в поле вызывает этика заботы? Дилеммы феминистского подхода подробно обсуждаются в международной литературе, однако они не получают (за редким исключением) освещения в российском академическом дискурсе. В данной статье мы также рассматриваем влияние гендера и сексуальности исследователя на полевую работу. В заключение мы предлагаем несколько размышлений о том, как сделать исследование более гендерно-чувствительным.

Ключевые слова: полевые исследования; феминизм; гендер; исследовательская рефлексия; группы роста сознания; обретение силы; опыт угнетенных групп; этика; опыт исследователя

Данная статья посвящена обсуждению важных для гендерных исследований методологических вопросов: что такое феминистское исследование? Как его реализовать на практике? Начиная с конца 1970-х годов, исследователи ставят перед собой вопрос: существует ли особый метод, отличающий феминистское/гендерное исследование от конвенциональных приемов социальной науки? И если да, то каковы его признаки? Однозначного ответа на эти вопросы феминистская мысль не дает. Представления об особом методе были первоначально сформулированы

в рамках позиционной феминистской эпистемологии, которая стала теоретическим основанием женских/гендерных исследований (Harding 1987; Haraway 1988; Smith 1990). Затем этот подход подвергся внутрифеминистской критике, но важно то, что он сформулировал некоторые *правила исследовательской рефлексии*, которые, на наш взгляд, не утратили своей актуальности. Исследовательская рефлексия понимается нами как совокупность практик проблематизации и осмысления исследовательской ситуации и ее последствий для участников.

Позиционная феминистская эпистемология исходит из признания общего опыта и универсальности интересов всех женщин, занимающих подчиненную позицию в патриархальном обществе. Их положение можно улучшить, если новое знание придаст им новую силу (*empowerment*)¹. Перечислим основные принципы этого подхода:

- исследовательская ситуация существенным образом влияет на процесс и результат познания (*situated knowledges*);
- всякое исследование является идеологически и политически ангажированным;
- угнетенные группы (женщины) обладают эпистемическими преимуществами в понимании отношений механизмов неравенства и угнетения, которые встроены в их повседневный опыт;
- феминистский проект должен обладать эмансипирующей функцией и содействовать обретению силы негативно привилегированных групп;
- политизация и озвучивание частной жизни угнетенных является стратегией феминистского исследования.

Феминистские исследователи старались реализовать эти общие принципы в эмпирических исследованиях: на уровне дизайна, методологических предпочтений и полевой работы. Инновации прежде всего затронули поле социальной антропологии, где пересматривались способы производства колониального знания о *других* обществах и группах. В 1970–1980-е годы феминистские исследователи в Северной Америке и Западной Европе поставили перед собой задачу изменить отношения между исследователем и информантом, сделать взаимодействия между ними более эгалитарными, рефлексивными, этичными, а во главу угла поставить опыт самих женщин, звучание их собственного голоса (Reinharz 1979; Oakley 1981; Graham 1983; Mies 1983; Fonow and Cook 1991).

---

¹ Термин *empowerment* переводят на русский язык как «обретение власти», «наделение властью». Это процесс получения маргинальными группами ресурсов, доступ к которым был ограничен или совершенно невозможен. Данное понятие использовал также бразильский философ Паулу Фрейре в работе «Педагогика угнетенных» (Фрейре [1968] 2007). Просвещение угнетенных и обездоленных автор рассматривает как стратегию роста их самосознания, которое приводит к когнитивному освобождению и формированию солидарности в борьбе за социальные преобразования. Эта эпистемология опирается на марксистскую теорию классового сознания и исторической миссии пролетариата (Лукач [1923] 2003).

Первоначально феминистское исследование в социологии утверждало себя через качественные методы, противопоставляя их позитивистским количественным методам, нечувствительным к женскому и другому скрытому от публичного взгляда опыту (Reinharz 1979; Oakley 1981; Graham 1983; Mies 1983). Кроме того, исследователи продвигали активистские исследования, предполагающие вмешательство в изучаемые социальные отношения с целью их преобразования (MacKinnon 1989), обсуждали эпистемические преимущества феминистского анализа гендерных отношений и особую этику исследования исключенных и подавляемых групп. Методологической инновацией явились группы роста сознания женщин – особая когнитивная практика женского движения второй волны, которая рассматривалась как метод исследования и как микрополитика эмансипации (MacKinnon 1989).

Позднее позиционная феминистская эпистемология была подвергнута критике со стороны постколониальных исследований и постмодернизма. Отметим, что во многом это была внутрифеминистская критика. Исследователи поставили под сомнение возможность реализации заявленных принципов и легитимность некоторых из них. Представления об эмансипирующей роли осознанного угнетения, об эпистемических привилегиях угнетенных пересматривались, но оставались предметом рефлексии (Stacey 1988; Gorelick 1991; Millen 1997). Рекомендации по соблюдению принципов рефлексивности и эгалитарности в различных исследовательских ситуациях стали легитимной частью качественной методологии и акционистских исследований.

Постепенно исследователи приходят к выводу о том, что речь идет не столько об особой эпистемологии и методах (приемах сбора и анализа данных), сколько об особых принципах исследовательского процесса, в основе которого – *этика заботы*, представления о *сотрудничестве исследователя и информанта*, *признание значения их личного опыта в ходе сбора и анализа данных*, *стремление вооружить исследуемых новым знанием в целях улучшения их социального положения* (Reinharz 1993).

Дилеммы феминистского подхода в эмпирических исследованиях подробно обсуждаются в англоязычной социологической и антропологической литературе в 1980–2000-е годы. Однако, за редким исключением (см. Мещеркина 2001; Романов и Ярская-Смирнова 2008а:27; Рождественская 2012) они не получают освещения в России. Мы полагаем, что это связано с несколькими обстоятельствами, характеризующими состояние российской академической и общественной жизни. Во-первых, в России феминизм очень слаб и мало представлен как в политическом, так и в академическом отношении. Во-вторых, в российском поле наименование «гендерные исследования» объединяет как исследователей, придерживающихся феминистской перспективы, так и тех, кто отказывается от критической составляющей гендерного подхода. В-третьих, даже если исследователи как граждане придерживаются феминистских ценностей, они зачастую не распространяют их на академическую сферу, в которой следуют далеким от активизма методологиям, составляющим мейнстрим социологического знания.

На современном этапе задача критической социологии в России заключается в борьбе против морализаторства и политической/государственной ангажированности знания. Однако принцип открытой идеологической ангажированности и субъективной вовлеченности исследователя в производство социального знания находит весьма слабый отклик в российском контексте. Более того, он рассматривается как наследие советской социальной науки, управляемой государством, или как проявление морализаторства, а не как признак критической направленности. Социологи дистанцируются от всяких идеологий, в первую очередь – от гегемонной. Феминистский тезис «личное – это политическое» приобретает в России иной смысл, поскольку политическое мыслится как государственное, как цензура, как навязанное суждение власть имущих.

Однако существуют исследователи, которые открыто заявляют о критической направленности и публичной роли социальной науки (например, Романов и Ярская-Смирнова 2008б). Мы также обсуждаем повестку дня критического феминистского исследования в российском контексте – ставим вопросы о том, насколько изучаемые гендерные практики и дискурсы содействуют равенству возможностей, преодолению социального исключения и стигматизации (Здравомыслова и др. 2010:7). Раздаются голоса, которые исходят от «низовых» (*grassroots*) феминистских и ЛГБТ групп, помогающие понять тезис «личное есть политическое» в феминистском ключе, критически относясь к гетеронормативности российской политики.

Нам близки принципы феминистского исследования, и мы стараемся по возможности претворять их в своей эмпирической работе, однако, как любые полевики, мы знаем, что многие из них являются идеалами, трудно осуществимыми на практике. Так, попытки выстроить эгалитарные отношения с информантами могут оборачиваться манипулированием, интенсивное сотрудничество может парализовать исследовательский процесс и пр. Феминистские исследователи могут (и это происходит постоянно) столкнуться с гендерным неравенством и сексизмом, которое воспринимается многими женщинами и мужчинами как естественное и даже выгодное для обеих сторон. Кроме того, существуют культурные и институциональные контексты, когда исследователь оказывается в подчиненном и зависимом положении по отношению к информанту. Такой вид неравенства появляется в контексте пересечения возрастных, гендерных и должностных маркеров, например, когда исследователь – это молодая женщина, а информант – мужчина, представитель элиты.

Несмотря на то, что многие дилеммы, связанные с попытками реализовать феминистские принципы исследования, не имеют однозначного и простого решения, их удастся преодолевать в ходе полевой практики (которую здесь мы понимаем в широком смысле). Эмпирическая работа, если и не дает исчерпывающие ответы на методологические вопросы, то, по крайней мере, позволяет осуществлять крайне важную рефлекссию по отношению к полю, открыто взвешивать «за» и «против» при решении этических вопросов (сотрудничества, заботы и пр.) и обращаться к аналогичному исследовательскому опыту.

Для начала нам необходимо понять, что представляет собой феминистский подход к эмпирическому исследованию. Мы хотим кратко показать, как развивалась критика по поводу феминистского метода, отношений власти в процессе производства знания в последние десятилетия XX века. Затем мы показываем на примерах, каким образом гендер/сексуальность исследователя может повлиять на исследование, и в заключении размышляем по поводу проведения гендерно-чувствительного исследования. Наш аналитический обзор посвящен зарубежным исследованиям, а в российском контексте, как уже сказано выше, складывается следующая ситуация: чем меньше феминизма, тем меньше феминистской методологической рефлексии.

ФЕМИНИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

ФЕМИНИСТСКИЕ МЕТОДЫ ИЛИ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ?

Феминистское исследование является идейно ангажированным. Ценности и политические позиции исследователей артикулированы и не замаскированы риторикой абсолютной истины, добытой трансцендентным *coqito*. Феминистские исследования ориентированы на политическую повестку женского движения: борьбу с угнетением и социальным исключением по признаку пола. Конечно, термин «борьба» настораживает. Но в данном случае речь идет о сознательном неприятии сексизма как на структурном, так и на повседневном уровне. Из этого также следует, что повестка дня не универсальна, а конкретна и политическая ангажированность исследований должна быть ориентирована на локальный контекст. Ангажированность исследования находит выражение в постановке исследовательского вопроса, в использовании методов сбора и анализа данных, на уровне презентации результатов исследования, т.е. проявляется на разных этапах осуществления эмпирического проекта (Reinharz 1992:214–239). Профессиональный исследователь может управлять ангажированностью, регулировать ее проявления таким образом, чтобы она не превратилась в предвзятость и морализаторство.

Феминистские исследования активно расширяют пределы конвенционально приемлемых техник производства социального знания. Академический феминизм развивал акционистские методы (*action research*), которые одновременно способствуют как решению политических задач женского движения, так и приобретению нового знания об опыте женщин в разных контекстах. Акционистские (вариант – активистские) методы не являются эксклюзивно феминистскими, они занимают устойчивую нишу в качественной методологии. Стронников этой методологии объединяет критика позитивистской концепции познания, ориентация на трансформирующую роль социологического знания, включенность исследователя и исследуемых в процесс изучения и трансформации социальных феноменов. Традиции акционистских исследований включают совместное с представителями профсоюзов изучение индустриальных отноше-

ний, социологическую интервенцию, связанную с прямым участием в социально-политической мобилизации, феминистскую методологию групп роста сознания (Malo de Molina 2004a, 2004b)².

Групповая техника *роста сознания* возникла в контексте второй волны женского движения в Северной Америке и Западной Европе в конце 1960-х – начале 1970-х годов³. Она предполагает обсуждение и интерпретацию женщинами собственного биографического опыта без участия обученных экспертов. Эта активистская практика использовалась в инициативных группах, которые ставили перед собой задачи образования, когнитивного освобождения и психологической поддержки женщин, сталкивающихся с социальными проблемами на личном уровне. Анализируя опыт групп роста сознания, Кэти Сарачайлд пишет:

Решение обратиться к нашему женскому опыту и нашим женским чувствам и сверить все обобщения и содержание текстов, которые мы читали, с нашим женским опытом, – это было научным решением. Таким образом, мы повторяли заповедь ученых XVII века, которые критиковали схоластику и требовали: «Изучайте природу, а не книги». Мы веряли все теории нашими практиками и деятельностью. Этот метод использовался также революционными движениями во всем мире. Мы использовали в анализе собственного женского опыта опыт движения за гражданские права на американском Юге в начале 1960-х, а себя считали участницами женского освободительного движения (Sarachild 1978 – *перевод авторов статьи*).

Сторонники этого политического и академического метода считают, что при осмыслении индивидуального опыта в коллективном обсуждении пробуждается латентно существующее коллективное сознание, формируется новый взгляд на социальную реальность, когда в единой картине соединяются и документируются разные детали. *Личное осознается как политическое*, и этот способ познания социальной действительности связан с феминистской эпистемологией. Группы роста сознания обсуждали личный опыт домашнего насилия, аборт, сексуального домогательства и пр. и формулировали их как социальные проблемы, характеризующие патриархатное общество. Предметом обсуждения стали репродуктивные права, проблемы профессионального продвижения и политической представленности женщин, вопросы баланса оплачиваемого труда и домашних обязанностей и многие другие. Коллективная рефлексия рассматривалась как механизм когнитивного, а затем политического освобождения женщин, условие их противодействия патриархату (MacKinnon 1989:83–105).

---

² Французский социолог Ален Турен использовал метод социологической интервенции в изучении польского движения «Солидарность». Он считает, что исследователь участвует в создании коллективной идентичности и способствует росту солидарности, стимулируя тем самым развитие общественных движений (Турен [1984] 1998). В российском контексте идеи акционистского метода разрабатывал в 1980-е годы Андрей Алексеев при изучении (на основе участвующего наблюдения) бригадного подряда на промышленном предприятии.

³ Первой волной считается движение середины XIX – начала XX века, направленное на борьбу за избирательные, образовательные, имущественные и трудовые права женщин.

Акционистские методы исследования имеют трансформирующую направленность. Например, женщины, подвергшиеся домашнему насилию, осознают его как социальную проблему и противодействуют ему, создавая сети взаимной помощи. Изменения могут способствовать также партисипаторные исследования, предполагающие активное участие информантов в принятии решений об исследовательском дизайне и сборе данных, оценочные исследования групп с особыми потребностями или проблемами, например, сталкивающихся с сексуальными домогательствами (Reinharz 1992:180–192).

Среди особых методов феминистского исследования называют и другие, такие как исследование *генеалогии и истории* женщин; *разговор*, или *диалог*, который предполагает анализ множественных голосов; *использование интуиции и ассоциативного письма*, *театральных постановок* и пр. В качестве примеров можно привести исполнение и последующий анализ определенных ролей женщин (переживающих страдание, взаимодействующих с родителями, врачом и пр.) (Reinharz 1992:214–239).

В настоящее время большинство методов, которые ранее возникли в рамках женских исследований, стали легитимной частью арсенала социальных наук. Феминистские исследования используют все те приемы сбора и анализа данных, которые применяются в социальных науках: исследователи слушают, что люди говорят, наблюдают, что они делают, и изучают тексты, в которых представлены отчеты о своем или чужом индивидуальном или групповом опыте. Феминистскую рефлексию разделяют многие исследователи, распространяя эти принципы на изучение любых социальных групп и отношений власти. Вывод таков: феминистский метод отличают не собственно техники сбора и анализа данных, а определенная перспектива, т.е. принципы исследования, которые мы представляем ниже.

Во-первых, исследования имеют выраженную идеологическую и политическую цель: помочь подчиненным и угнетенным осознать свою позицию в обществе и выработать стратегию освобождения или обретения власти (*empowerment*). Социальные исследования считаются когнитивным механизмом эмансипации и обретения силы женщинами и другими группами, опыт которых определяется механизмами социального исключения и угнетения.

Во-вторых, исследовательские проблемы касаются разнообразных форм *опыта женщин* и производства гендерных границ, их характеризует внимание к гендерному неравенству в социальной жизни.

В-третьих, эмпирические исследования ориентируются на феминистскую *этику заботы*, предполагающую осуществление эмоциональной работы, формирование доверительных эгалитарных отношений, сокращение дистанции с информантами. Для феминистской этики характерны чувствительность к отношениям власти в процессе производства знания. Проблематизируется когнитивная эксплуатация информантов (прежде всего, женщин) как объектов познания. Диалоговая форма, интервью-беседа или интерактивное интервью в феминистском подходе способствуют преодолению отчуждения в ходе исследования. Уделяется внимание обратной связи между познающим и познаваемым.

В-четвертых, значимой является рефлексивность в отношении исследовательской ситуации, она предполагает дискуссию о влиянии позиции и личности исследователя на процесс исследования и его результаты. Гендерная идентичность и гендерные роли исследователей рассматриваются как аналитические инструменты, поскольку создают определенные возможности и барьеры в ходе сбора и анализа данных (Reinharz 1992, 1993; DeVault 1999; Fonow and Cook 2005). Исследователь должен осознавать свою позицию, отдавать себе отчет в возможной предвзятости, обусловленной культурными, политическими и социальными обстоятельствами. Предвзятость исследователя разрушительна, если не является объектом профессиональной рефлексии. Осознанные особенности исследовательской ситуации могут помочь подтвердить выводы, позволяют описать степень генерализации полученных результатов.

Однако при реализации этих принципов в эмпирической работе исследователи сталкиваются с существенными этическими и познавательными проблемами. Обратимся к дилеммам, обозначенным в ходе конкретных полевых исследований.

ВСЕГДА ЛИ ОСОЗНАНИЕ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА СПОСОБСТВУЕТ УЛУЧШЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНФОРМАНТОВ?

Жаклин Уоттс, используя метод глубинного полуструктурированного интервью, исследовала карьеру женщин – гражданских инженеров в Великобритании (Watts 2006). Руководствуясь принципами феминистского исследования, Уоттс изучает опыт конкретной профессиональной категории женщин; ее исследование является рефлексивным и интерактивным. При этом она ставит под сомнение эмансипирующий потенциал исследования и возможности реализации принципа «обретения силы» в тех случаях, когда изучается опыт подчиненных. Специальным предметом рефлексии становится доступ в поле, информированное согласие, отношения власти и возможности улучшения положения женщин в профессиональном поле.

Уоттс не являлась аутсайдером в мире инженерной профессии: на протяжении многих лет она осуществляла техническое консультирование на предприятии. Доступ в поле она получила благодаря контактам с администрацией, которая сыграла роль гейткипера. Исследовательница отдавала себе отчет в том, что феминистские взгляды не популярны среди инженеров, и не стремилась во что бы то ни стало заявлять о своей идейной позиции. Объясняя информантам цели своего проекта, она, тем не менее, интересовалась причинами низкой представленности женщин в профессии (5%), структурными барьерами их продвижения и механизмами, благодаря которым мужчины доминируют в профессии.

Женщины-инженеры в ходе интервью описывали повторяющиеся эпизоды своих профессиональных взаимодействий с коллегами мужского пола как «проявления агрессии», «унизительные», «неуместные» и пр. Через феминистские линзы такие практики обозначаются термином «сексуальное домогательство» и рассматриваются как один из барьеров карьерного продвижения женщин. Но Уоттс воздержалась от того, чтобы «открыть глаза» своим информанткам. Она обнаружила, что женщины-инженеры придавали таким эпизодам индивидуальный, а не систем-

ный смысл. Столь же индивидуальными были их стратегии приспособления, которые касались управления внешностью, стилем поведения, реакцией на агрессию. Они считали, что такие эпизоды лучше игнорировать, дистанцируясь от позиции «объекта» или жертвы. Таким образом информантки закрывали глаза на системные характеристики сексуальных домогательств. Стратегия «закрытых глаз» или непротivления домогательствам была вполне функциональна. Осознание патриархатных структур доминирования и открытый протест мог поставить под сомнение выработанные женщинами стратегии индивидуальной адаптации. Автор соглашается с другими исследователями (Millen 1997) в том, что осмысление своего социального положения в терминах гендерной власти может не усилить, а ослабить позицию женщин, которые приспособились к данной ситуации на своем рабочем месте. Уоттс в процессе исследовательской рефлексии пришла к выводу, что осознание структурного угнетения по признаку пола не обязательно приводит к улучшению позиции информанток, которые адаптированы к неравенству.

Для исследовательницы было исключительно важно сохранить доверие информанток, а оно было крайне хрупким, поскольку женщины осознавали свое подчиненное положение на предприятии. Информантки под большим секретом рассказывали об опыте унижений и несправедливом, с их точки зрения, отношении мужчин-коллег; они серьезно опасались последствий нарушения конфиденциальности и анонимности информации (Watts 2006). Феминистские исследователи отмечают, что чувство страха и уязвимости, испытываемые информантами, существенно влияют на исследовательскую ситуацию и на полученные данные. Опасения в собственной безопасности приводит к тому, что информанты подвергают себя самоцензурированию, а описания опыта становятся деперсонифицированными и «деконтекстуализованными» (Olesen 2000). И нарративная ценность таких данных снижается, рассказы становятся абстракциями.

Исследовательница опирается на представления о плюралистичности и фрагментированности женского опыта, даже в том случае, когда речь идет об опыте конкретной профессиональной группы – женщин-инженеров (см. также Olesen 2000). Властные отношения проявляются на разных уровнях и подвержены динамике. У некоторых категорий женщин есть доступ к определенным привилегиям, благодаря занимаемому ими социальному положению и сопряженным с ним ресурсами (этничности, сексуальности, профессиональным, экономическим позициям, брачному статусу и пр.). Признается, что информанты могут занимать противоречивое положение в гендерной матрице доминирования и субординации, иметь привилегированное положение в одном аспекте, и подчиненное в другом (Fonow and Cook 2005:2224). Так, например, «выход из чулана» или камин-аут (*coming out*) гомосексуалов может ослабить их позиции в тех контекстах, где они имели определенную власть – например, на рабочем месте. Успешный профессионал, объявив о своей ориентации в гомофобной среде, может подвергнуться стигматизации и исключению. Исследователи признают, что не все женщины (или другие гендерные группы) являются безвластными, необходимо принимать во внимание сложность структуры власти и интерсекциональность социальных позиций (Millen 1997).

В целом эмпирические исследования показали, что в определенных ситуациях знание о несправедливости своего положения может не только не усилить позиции подчиненных, а, напротив, ослабить их или привести к стигматизации и исключению, как, например, в случае с упомянутым выше «выходом из чулана» (Millen 1997). Исследователи должны уметь управлять дистанцией между своими политическими феминистскими позициями и работой в поле, учитывая конкретный контекст исследования.

ВСЕГДА ЛИ ОЗВУЧЕННЫЙ ОПЫТ УГНЕТЕННЫХ ДОСТАТОЧЕН ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА?

Другая дилемма связана с реализацией феминистского принципа, в соответствии с которым необходимо озвучивать ранее умалчиваемый опыт угнетенных групп. Социологи-феминистки сделали объектом своего внимания именно опыт женщин, поскольку ранее он игнорировался в академических исследованиях. Механизмы исключения опыта женщин из сферы научного интереса рассматривались как неотъемлемое свойство патриархатного письма, характерного для андроцентризма социальной науки (Смит [1989] 2000:30). В ходе таких проектов исследователи старались максимально снизить научную интервенцию, чтобы озвучить конкретный опыт женщин, сделать его услышанным в обществе. Они считали, что голос женщин ценен сам по себе, поскольку их опыт обладает спецификой, ведь гендерные границы до сих пор крепки. Кроме того, исследователи исходили из предпосылки, в соответствии с которой считается, что опыт социального исключения и угнетения создает определенные преимущества в понимании социального неравенства и социальных проблем.

Представления о том, что подчиненные видят отношения власти иначе, чем господствующие, сформулированы как диалектика позиции господина и раба в «Феноменологии духа» Гегеля. Предполагается, что угнетенные социальные группы имеют эпистемические привилегии, они обладают более аутентичным знанием о том сегменте социальной реальности, который определяет их положение. Эта позиция характерна не только для феминистского подхода, но и для марксизма, и для постколониальных исследований. Угнетенные знают об угнетении, которое впечатано в их телесный опыт, но часто, будучи лишены голоса, не могут выразить его словами. Умалчивание опыта – один из главных механизмов угнетения, проявляющийся в системе производства знания. Задача феминистского исследования – создать возможности проявления неслышимого («пусть заговорят!»). Этот подход занял в определенный момент едва ли не центральное место в феминистском анализе, привлекая внимание к таким аспектам жизни женщин, как беременность, роды, домашнее насилие, изнасилование и пр. Английская феминистка Энн Оукли, исходя из женской перспективы, в некоторых своих работах предоставляет их голосам возможность доминировать, сохраняя лишь минимальные комментарии социолога в тексте (Oakley 1979).

Заявленная цель исследования – выявление умалчиваемого опыта и опыта угнетения – сказывается и на организации интервью, и на отношении к этому методу в целом. Классические социологические интервью, выстроенные по принципу

«вопрос – ответ» критикуются как иерархические, ложно «объективные», включающие иллюзорные установки на нейтральность и надперсональность интервьюера. Исследователи настаивают на необходимости эмпатии и взаимности в исследовательском процессе (Oakley 1981). Интервьюированию придается интерактивный характер, от исследователя ожидается готовность обсуждать свой опыт с информантом (если он, конечно, релевантен для исследуемой проблемы). Ситуация интервью приобретает характеристики «диалога на равных» или беседы, которая обладает эффектом роста сознания в отношении конкретного жизненного опыта. Многие авторы придают особое значение исследованиям сензитивного и травматичного женского опыта (например, исследование женщин, больных раком молочной железы (Kasper 1994)).

Однако данный подход как способ получения подлинного знания о социальных проблемах и даже о социальном положении самих угнетенных или социально исключенных групп в дальнейшем был поставлен под сомнение, поскольку люди далеко не всегда осознают условия и проблемы своего существования (Millen 1997). Их понимание собственного положения часто ограничено идейными шорами, сформированными механизмами социализации и индоктринации. Непризнание собственной социальной уязвимости является также механизмом самозащиты. Критикуя позиционную феминистскую эпистемологию, социолог Шерри Горелик показывает, что у безусловно значимых исследований, ориентированных на «голоса снизу», есть существенные ограничения (Gorelick 1991). Идеология неравенства часто интериоризована, а структуры угнетения остаются невидимыми самим угнетенным.

Трудно не согласиться с тем, что рост самосознания как техника исследования и политического действия порождает знание, которого женщины раньше не имели. Однако академическая ценность такой практики ограничена. Осознав свою боль или неудовлетворенность, женщины далеко не всегда осознают ее структурные причины (Gorelick 1991). Например, как показывает Дороти Смит, женщины, занимая в компаниях позиции секретарей, ассистентов, т.е. обслуживающего персонала, не осознают структурной природы своего положения. Не осознают его и мужчины, осуществляющие управление. «Восприятие женщинами своего подавления маскируется развитием корпоративного капитализма, при котором локальные события определяются силами, действующими за их пределами» (Smith 1979:141, 161; Gorelick 1991:464–465). Иными словами, подавление *не может* быть понято только исходя из точки зрения подавляемых, которые сами оказываются слепы в отношении структурного неравенства. Производство знания неизбежно опирается на определенную идейно-политическую перспективу, которая далеко не всегда осознается познающим субъектом, руководствующимся не только разумом, но и чувствами.

В качестве варианта решения этой проблемы Дороти Смит предлагает развивать «институциональную этнографию» – исследование связи повседневной жизни организаций и отношений власти-управления. Отношения управления рассматриваются как воплощенные в действиях людей – как тех, кто находится в ситуации подчинения, так и тех, кто осуществляет власть или сопротивляется ей (см. Campbell 1998; Smith 2005; DeVault 2006).

ВОЗМОЖНО ЛИ РЕАЛИЗОВАТЬ ПРИНЦИП ЭГАЛИТАРНОСТИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СИТУАЦИИ?

Феминистское исследование в целом ориентировано на сокращение властного дифференциала между исследователями и информантами (Harding and Norberg 2005:2011). Информанты не должны подвергаться когнитивной эксплуатации, выступая как «объекты исследования», они должны иметь возможность осознавать значение своего собственного опыта и интерпретировать его (Oakley 1981; Finch 1984). Такой подход предполагает критику позитивистской методологии, в которой исследователь занимает позицию субъекта, а исследуемые – позицию объекта. Однако этот принцип также переосмысливается в ходе эмпирической работы.

Во-первых, некоторые феминистские социологи выражали сомнение в том, что установление более эгалитарных отношений с информантами ведет к получению более надежных данных. Во-вторых, исследователи часто сомневаются в возможности поддержания эгалитарного сотрудничества на всех этапах исследования, включая анализ и интерпретацию данных. Остается открытым вопрос о полномочиях репрезентации, т.е. о том, кто обладает властью представлять позицию информантов и в каких формах эта власть реализуется (Спивак [1988] 2001; Olesen 2000).

Взаимодействие с информантами представляет собой сложную систему коммуникации в любом качественном исследовании. Исходя из критической позиции, возможность достичь равенства в процессе производства знания даже на уровне сбора данных во многом признается иллюзией. Утопичность достижения эгалитарного феминистского идеала в познавательном процессе обосновывается анализом позиции эмпирического исследователя-полевого. Именно исследователь распоряжается временем взаимодействия, когнитивными и материальными ресурсами. В его арсенале – навыки профессиональной методологической работы, именно он в конечном счете наделяет опыт смыслом и помещает индивидов в исторический и социальный контекст (Millen 1997). Кроме того, не всегда и не все информанты хотят быть вовлеченным в исследование и со-участвовать в производстве знаний. Рефлексивность исследователя, постулированная феминистской методологией, может оказаться иллюзорной и сводиться к риторической позиции. Джудит Стейси приходит к выводу, что в исследованиях, выполненных в традициях качественной методологии и духе феминистской этнографии, информанты могут оказаться еще более эксплуатируемыми, чем в «маскулинном» позитивистском исследовании с четкими границами между субъектом и объектом. Чем выше уровень интимности и взаимности в отношениях, тем более сильны опасности замаскированной эксплуатации и неравенства, которые исследователь должен как минимум осознавать (Stacey 1988:24).

Критика эгалитарной утопии феминистского исследования выдвигает альтернативу. Исследователь не должен отказываться от привилегированной эпистемической позиции по отношению к исследуемым, однако необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, исследование далеко не всегда предполагает эксплуатацию информанта или переинтерпретацию опыта, которая изменяет фундаментальные смыслы жизни изучаемого индивида. Люди придают смысл своему опыту, независимо от исследователя и исследования. Во-вторых,

именно исследователь изучает теоретические подходы и стремится производить знания – он выполняет профессиональную задачу, востребованную в современном информационном обществе (Millen 1997).

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Феминистское исследование опирается на принципы этики заботы. Такая позиция предполагает, с одной стороны, уважительное отношение к опыту исследуемых и их личности; с другой – информированное согласие и обеспечение конфиденциальности полученных данных. Эти принципы распространяются на любое исследование социальных действий и человеческого опыта. В основе лежит базовая квазиврачебная ориентация на минимизацию вреда. Однако истолкование нанесения вреда может варьировать в широком диапазоне: от угроз личной безопасности и репутации информантов до причинения страданий и генерации стресса (Olesen 2000). Вред может наносить потенциальная эксплуатация информантов (в том случае, когда отношение к ним продиктовано исключительно утилитарными соображениями – достижение академического профита).

В феминистской методологии этика заботы предполагает внимание к целостности репрезентации взглядов и опыта информантов. Некоторые исследователи подчеркивают открытость исследовательских целей и реципрокность взаимоотношений, при которых исследователь обменивает привилегию вопрошания и получения, пусть и опосредованных нарратором, знаний об опыте на вовлечение информантов и соучастие в проекте. Они считают, что проект должен на всех этапах быть совместным производством знания. В свою очередь полученное знание должно способствовать обретению силы женщинами (Oakley 1979; Mies 1983; MacKinnon 1989; Kasper 1994).

Однако принципы эгалитарности и открытости исследовательского процесса трудно реализуемы на практике. Следование им порождает неразрешимые этические дилеммы, возникающие в результате сочетания эгалитарных намерений и практик использования знаний информантов. Социолог Джудит Стейси описывает две ключевые этические дилеммы, с которыми она столкнулась в ходе полевого исследования (Stacey 1988:22–23). Первая связана с неизбежным воспроизводством когнитивной эксплуатации на полевом этапе исследования. Вторая – с тем, что исследователь, становясь автором финального отчета, присваивает в переработанной форме труд своих информантов, увеличивая таким образом свой символический капитал и/или получая материальное вознаграждение.

Одна из ключевых информанток Стейси была замужней женщиной, истовой (фундаменталистской) христианкой, вовлеченной в тесные лесбийские отношения, которые она тщательно скрывала от окружающих. За счет эгалитарного и вовлеченного стиля полевой работы исследовательница узнала о тайной стороне жизни своей информантки сначала от ее подруги, а затем и от нее самой. Эта «тайная информация» по-новому освещала проблему исследования, посвященного формированию групповой идентичности. Стейси ощущала «неаутентичность» своего положения, неискренность позиции по отношению к информантке, которая поначалу не знала, что ее секрет раскрыт. После того, как обе женщины по-

святили Стейси в тайную сторону жизни, они начали соревноваться за внимание и признание со стороны исследовательницы и в конечном счете – за свою версию рассказа об отношениях. Они также просили исследовательницу обеспечить конфиденциальность информации об их гомосексуальной связи.

Исследовательница обладает привилегией знания личных секретов, недоступных другим, которые влияют на интерпретацию и окончательный исследовательский результат. Это, по мнению Стейси, неизбежно сопутствует полевой работе. Исследователь лишь временно погружается в ситуацию, которую он со временем покинет, в отличие от своих информантов, жизнь которых продолжается с прежними трудностями. В ситуации конфликта поддержки исследователя ожидают представители обеих конфликтующих сторон. Такая позиция делает принципиально недостижимым эгалитаризм в исследовании, а когнитивная эксплуатация становится неизбежной – в этом состояла первая дилемма. Наблюдается серьезный конфликт нормативной установки на роль аутентичного этнографа-участника и реальной практики исследователя-эксплуататора.

Вторая дилемма феминистского этнографического исследования касается его продукта. Окончательный продукт производства знания – отчет, статья или диссертация – поступает в распоряжение исследователя, т.е. автора. В конечном счете, он присваивает результаты труда информантов. Феминистские исследователи предполагают возможность обсуждения конечного продукта с информантами, но это не всегда возможно и, даже если такая возможность осуществляется, это не снимает проблему власти.

После полутора лет обсуждения создавшейся ситуации информантка попросила исследовательницу убрать из окончательного отчета о проекте всякое (даже конфиденциальное и анонимное) упоминание о ее лесбийских отношениях. Стейси задает вопрос – как должна феминистская исследовательница действовать в подобном случае? Этика заботы, ориентация на потребности информанта, сотрудничество и эгалитарность требуют безусловного выполнения данной просьбы. Однако подобное вычищение текста отчета будет воспроизводить практику гомофобного замалчивания опыта, а также приведет к искажению данных при изъятии важнейшего компонента «правды» о поле. В любом случае исследователи сталкиваются с существенными сложностями при реализации феминистских принципов в практике полевых исследований (Stacey 1988:23–25).

Проблему реализации принципов феминистского исследования в ходе конкретного эмпирического проекта описывает социолог Терри Аренделл. Предметом ее изучения был опыт разведенных родителей. Она пишет, что информанты-мужчины, рассказывая о своих отношениях с бывшими женами или о практиках домашнего насилия, которые привели к разводу, зачастую выражали агрессивные, сексистские взгляды. Само выслушивание таких рассказов стало для исследовательницы этической проблемой. Она считала, что своим непровлечением и выраженной лояльностью к собеседнику воспроизводит сексизм. Однако, в конечном счете, она определила свою позицию как стремление *понимать, а не просвещать* (не развивать сознание) информантов, и высказывала свои феминистские взгляды, только если ей задавали прямые вопросы об этом (Arendell 1997:359–364).

Подведем итоги. Феминистская теория, критический подход в социальных науках, этнографический поворот в производстве знания об обществе оказали существенное влияние на гендерные исследования в социологии. Феминистская критика позволила озвучить новые и переинтерпретировать существующие подходы к полевому исследованию. Переосмыслена позиция исследователя в поле и отношения с информантами на разных стадиях научных проектов, гендерные особенности взаимодействия. При использовании различных методов сбора и анализа данных, характерных для разных дисциплин, сформулированы особенности феминистской перспективы, исходя из которой, акцент делается на субъективность, опыт, равенство, сотрудничество, рефлексивность, общественные изменения, улучшающие положение женщин (и других гендерных групп).

Данные принципы в целом сохраняют свое значение, однако постоянно подвергаются контекстуальному пересмотру. Отмечается, что сотрудничество и тесное общение с информантами может быть чревато эмоциональными проблемами и моральными дилеммами (Stacey 1988). Исследователи часто находятся в контексте изучения чуждых им ценностей, сталкиваются с дилеммой отношения к сексистским, патриархатным (Arendell 1997), гомофобным (La Pastina 2006; см. далее) и иным стереотипам. Открытое выражение феминистской позиции может разрушить исследовательскую коммуникацию, а также повредить позиции информантов. Конфликты между политическими и нравственными позициями исследователя, с одной стороны, и задачами производства знания – с другой, влекут за собой обсуждение этических вопросов, которые часто не имеют универсальных абстрактных ответов.

В настоящее время исследователи более осторожно относятся к ранее сформулированным феминистским принципам, которые достаточно сложны в реализации, не всегда отвечают потребностям информантов, не способны обеспечить доступ к знанию о социальной реальности самим информантам. Признается сложность конфигурации властных отношений, определяющих позиции разных категорий женщин и мужчин. Социальные позиции не порождают автоматически эпистемических привилегий. Угнетенные могут находиться в шорах ложного сознания не в меньшей степени, чем угнетатели. Это касается и женщин, и других социальных категорий. Не всегда осознание несправедливости возможно, и не всегда оно способствует обретению силы. Соответственно, исследователи с гораздо большей осторожностью ставят вопросы об эмансипирующей силе знания и роли практик осознания неравенства как механизме социальных изменений. Достижение идеала эгалитарности в отношениях исследователя и информанта признается утопичным из-за различия в обладании властью и ресурсами между исследователями и информантами. Сотрудничество и доверительные отношения в поле (позиция инсайдера или «внутреннего аутсайдера») порождают этические дилеммы, связанные со сложностью реализации принципов анонимности и конфиденциальности в социальном феминистском исследовании (Millen 1997; Watts 2006). Однако при всех трудностях феминистские исследователи сохраняют приверженность установкам на рефлексивное производство локального знания, ориентацию на безопасность информанта, доверительные отношения с ним и реализуют публичную миссию академической работы.

ГЕНДЕР, СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ПОЛЕВАЯ РАБОТА

Один из ключевых принципов феминистского исследования – ситуативный характер производства знания. Ситуация познающего актора значима для процесса сбора и анализа данных. Она формирует взгляд на исследовательскую проблему. Представление *о всевидящем взгляде из неоткуда* является когнитивной иллюзией и патриархатной уловкой (Haraway 1988). В соответствии с этим принципом феминистская методология обращает внимание на гендерную маркированность исследовательской ситуации и предполагает рефлексия в отношении гендерной позиции исследователя. По умолчанию научная работа предполагает асексуальность и гендерную нейтральность исследователей. Однако далеко не всегда возможно и необходимо такое абстрагирование. Гендерная оптика позволяет показать, что исследователь, как и исследуемые, не являются гендерно-нейтральными и асексуальными наблюдающими и анализирующими механизмами. Они имеют телесное воплощение, пол (гендер – здесь мы используем эти термины как синонимы), возраст, сексуальность, классовую, гражданскую и этническую принадлежность и пр. Позиция в поле и коммуникация с информантами формируются в контексте гендерно маркированных взаимодействий, в том числе сексуально окрашенных, которые включают атрибуцию свойств и ожиданий, динамику отношений власти и пр. Гендерные характеристики исследовательских взаимодействий являются также важным источником информации о гендерном порядке. В данной части статьи мы рассмотрим на примерах, как конкретно могут проявляться гендерная и сексуальная идентичность исследователя в полевой работе.

ГЕНДЕР ИССЛЕДОВАТЕЛЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ?

Гендерная тематика достаточно давно находилась в поле внимания антропологов (например, Маргарет Мид, Рут Бенедикт и др.) и социологов (Чикагская школа и пр.) (Warren 1988, 2001). Однако предметом систематической рефлексии гендерное измерение исследовательского взаимодействия становится в 1970-е годы, а сексуальность – еще позднее. Первоначально исследователи полагали, что в полевой работе женщины – в соответствии с традиционной ролью – воспринимаются с меньшими подозрениями, обладают некоторыми привилегиями, связанными с коммуникативными навыками, ориентацией на говорящего, умением слушать, способностью завоевать доверие во взаимодействии. При этом в соответствии с патриархатными моделями женщины-исследовательницы воспринимались как имеющие более низкий профессиональный статус по сравнению с мужчинами. Такая оценка статуса может быть выгодной для получения знания. Так, Уоррен описывают свою полевую работу в суде, когда исследовательнице автоматически приписывался статус беспомощной, уязвимой и нуждающейся в опеке представительницы слабого пола, что помогало ей в сборе данных и получении разнообразных разъяснений. Однако такое позиционирование делало ее уязвимой в отношении навязываемых контактов и форм взаимодействия (включая домогательства) (Warren and Rasmussen 1977:361–362; см. также Horn 1997). В целом предполага-

лось, что к женщинам относятся с меньшим подозрением, но одновременно им сложнее получить доступ в организации с мужским доминированием, у них больше трудностей при исследовании мужской сексуальности, употребления наркотиков, гомосексуальности и пр. Несмотря на то, что возможность женщин действовать в мужском мире ограничена, в определенных ситуациях женщины (особенно старшего возраста) могут «андрогинизироваться» и могут быть допущены в закрытые сферы (Golde 1970; Warren and Rasmussen 1977).

Позднее роль женщин-исследовательниц осмысливается как более сложная. В зависимости, например, от брачного статуса и наличия детей, женщина-исследователь может иметь преимущества, но может, напротив, сталкиваться с барьерами и определенными рисками, актуализирующимися в ходе сбора и анализа данных. Для женщин в целом оказывается более легким доступ к женскому опыту и домашней сфере, куда мужчин-исследователей могут не допускать, особенно в традиционных гендерных укладах. Исследовательницы отмечают, что их возраст, брачный и материнский статус оказывает влияние на практики сбора данных. Например, взрослые информантки отказываются обсуждать опыт сексуальных взаимодействий, беременности, родов и пр. с молодыми незамужними женщинами, поскольку такие разговоры не приняты в данной культуре. Брак и наличие детей помогают обеспечить доступ в поле, наладить взаимодействие с информантками, обладающими схожим статусом. Статус и опыт могут изменить не только доступ в поле, но и взгляд самой исследовательницы: например, женщины-матери становятся более внимательными к сложностям материнства и его совмещения с другими ролями и пр. (Golde 1970; Warren 2001:205). Если женщинам легче получить доступ в «женские» сферы опыта, то мужчинам-исследователям легче получить доступ в поле, которое считается опасным, или туда, где воспроизводятся гомосоциальные практики маскулинности, в частности – исследования полицейских или пожарных подразделений, потребителей наркотиков, преступников, гей-культуры и пр. (Warren and Rasmussen 1977:366).

От феминистского проекта ожидается рефлексивность. Исследователи осмысливают свои гендерные роли и идентичности и их влияние на работу исследовательских команд, состоящих из мужчин и женщин. Если в поле работают семейные гетеросексуальные пары, то при доступе в поле, где господствуют представления о традиционных гендерных ролях, это может стать дополнительным преимуществом и обеспечить доступ и в мужские, и в женские сферы жизнедеятельности (Warren and Rasmussen 1977:367; Warren 2001:210–211).

ГЕНДЕР ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Гендерная позиция исследователя проявляется в конкретных коммуникативных практиках. Исследователи отмечают, что при разговоре с женщинами и мужчинами информанты (вос)производят конвенциональные гендерные представления, часто делая это неосознанно.

Приведем пример производства гендера в интервью. Исследования опыта медбратьев в Калифорнии и Техасе продемонстрировали, что пол интервьюера оказал дифференцирующее влияние на получение данных (Williams and Heikes

1993). Это влияние связано с особенностями контекста исследования, т.е. со структурной гендерной сегрегацией рынка труда. Для современного американского (и не только) общества характерна низкая представленность мужчин-медбратьев в области профессиональной заботы, которая маркируется в общественных представлениях как «женская работа». Респонденты по-разному разговаривали с интервьюерами разного пола, различия были особенно очевидны при ответе на гендерно-чувствительные вопросы (такие, как взаимодействие с коллегами разного пола или причины низкой представленности мужчин среди профессиональных работников, ухаживающих за больными).

В разговоре с исследователями мужского пола информанты гораздо больше подчеркивали гендерные различия в работе низшего и среднего медицинского персонала, чем в разговоре с женщинами. Рассказывая о гендерных различиях в профессиональных практиках интервьюеру-мужчине, медбратья подчеркивали биологические различия мужчин и женщин, размышляли о том, что мужчины более приспособлены к уходу в экстренных случаях (*critical care*), а женщины – к рутинному уходу за больными. Когда они разговаривали с интервьюерами-женщинами, то скорее подчеркивали не биологические факторы, а выбор мужчин. Авторы проектов объясняют такой результат эффектом следования социальным ожиданиям и политической корректности. Информанты, часто неосознанно, придерживаются социально приемлемых норм (*social desirability bias*). Представления о биологической обусловленности гендерных различий могли показаться женщинам-исследовательницам сексистскими, и информанты старались не озвучивать их. Напротив, разговаривая с мужчинами, информанты высказывались более категорично по вопросам гендерных различий. Различия в практиках работы медбратьев и медсестер в таком случае становились ресурсом производства мужественности. В обоих случаях медбратья старались соответствовать гендерным нормам. Как отмечают авторы, медбратья также оказались более чувствительны к гендерным различиям, чем мужчины, работающие в так называемых мужских сферах занятости. Видимо, это связано с тем, что они составляют меньшинство в данной профессии. Гендерные различия при проведении интервью помогают понять контекст, в данном случае – гендерную сегрегацию занятости и сопутствующие гендерные нормы (Williams and Heikes 1993).

Некоторые авторы отмечают, что мужчины-информанты в разных формах проявляют власть, когда интервью проводит женщина. Они подчеркивают свой авторитет, демонстрируют экспертную позицию, проявляют себя как руководящие акторы даже в исследовательском взаимодействии (Pini 2005). В иных случаях мужчины стремятся получить личную информацию об исследовательнице, пытаются сексуализировать исследовательское взаимодействие (Schwalbe and Wolkomir 2001:94). Арденелл сравнивает свой опыт проведения интервью с разведенными матерями (60 интервью) и отцами (75 интервью). Мужчины-информанты в ходе интервью четко обозначали свою гендерную роль и старались сократить дистанцию, выясняя у исследовательницы, замужем ли она, имеет ли детей, какие у нее отношения с сыном и его отцом, некоторые приглашали ее поужинать или на свидание; а информантки интересовались преимущественно ее

опытом материнства. Информанты часто инструктировали исследовательницу, например, советовали ей, как обращаться с записывающей техникой (чего никогда не происходило при взаимодействии с женщинами) (Arendell 1997:350–357). Такое само собой разумеющееся различие в поведении информантов разного пола – важнейший элемент конституирования гендерного порядка в ситуации исследовательского взаимодействия, на него не стоит закрывать глаза. Напротив, осознание того, как производятся гендерные различия в исследовательской ситуации, может помочь исследователям в сборе и анализе данных.

Приведем еще один пример. Молодая исследовательница Барбара Пини описывает свой опыт интервьюирования мужчин – руководителей крупной австралийской сельскохозяйственной компании, большинству из которых более 50 лет (в ходе исследования было взято 15 интервью). В ходе интервью мужчины постоянно демонстрировали свое экспертное знание в дидактической модальности – в нравоучительном тоне просветителя / учителя / отца. Интервью зачастую напоминали мини-лекции (Pini 2005). Анализируя гендерные аспекты взаимодействия, автор отмечает, что мужчины, особенно значительно превосходящие интервьюера по возрасту, занимающие руководящие посты в мужских сферах занятости, проявляют в интервью свою гетеросексуальность и позиции власти, характеризующие гегемонную маскулинность (Pini 2005). Мужчины-информанты в данном случае обозначают свою роль как легитимно доминантную – обучающую и просветительскую.

Данные примеры демонстрируют процесс производства гендера в ситуации интервью. Исследователи отмечают, что коммуникация интервью не является гендерно-нейтральной, где встречаются абстрактный, лишенный пола, ученый и его имеющий пол информант. В исследовательской коммуникации воспроизводятся конвенциональные гендерные роли. Информанты мужского пола следуют установленным стереотипам мужского поведения. Например, они могут выражать стоицизм по отношению к своему здоровью, воздерживаться от обсуждения эмоционального опыта, интимности, болезней. Болезнь связана с частной жизнью, здоровье обычно не является областью мужской экспертизы, многие мужчины не готовы рассказывать о своем опыте в данной области, хотя некоторые готовы обсуждать систему здравоохранения, врачей, несправедливое отношение или ожидать совета в ходе разговора. Воспроизводство паттернов маскулинности и феминности в исследовательском взаимодействии накладывает существенный отпечаток на интервьюирование и его результаты (Oliffe and Mroz 2005:258). Это оказывает влияние на данные, которые получает исследователь.

Производство гендера и отношения власти, заметим, проявляются не только в отношениях между мужчинами и женщинами в ходе полевой работы, но и между разными группами женщин и группами мужчин. Женщины, обладающие более высоким статусом, также могут давать интервью молодым исследовательницам или исследователям в стиле «мини-лекций», задавая тем самым логику беседы. С такими отношениями власти приходилось сталкиваться и авторам данной работы. Например, при исследовании в 1995 году женского политического участия, когда информантками были женщины-кандидаты в депутаты, сре-

ди которых – заведующие поликлиниками, директора школ, активистки партий. Несмотря на то, что нас интересовали их биографии, иногда было невозможно прервать «лекцию» о политической ситуации в стране. Кроме того, не все мужчины в ситуации интервью проявляют властные позиции. Так, канадский социолог, исследовавший мужчин, отмечал, что не наблюдал проявлений соревновательности/агрессивности у своих информантов, что могло быть связано с репрезентацией их квир-идентичности и с гомосоциальным взаимодействием (Walby 2010:646).

Генерализация вряд ли уместна. И культурные контексты специфичны. Этничность, возраст, гражданство, должностной статус составляют матрицу власти, положение в рамках которой гендерно маркировано. Разные категории мужчин и женщин занимают разные позиции в структуре власти. На смену узко понимаемому гендерному подходу приходит анализ интерсекциональности. Однако актуализация гендерных различий в контексте исследовательского взаимодействия не должна оставаться без внимания.

(ГОМО)СЕКСУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ: МЕЖДУ АУТЕНТИЧНОСТЬЮ И ТРЕБОВАНИЯМИ ПОЛЯ

Не только гендерные роли, но и сексуальная идентичность проявляется в исследовательской ситуации. Феминистское исследование предполагает, что рефлексия по поводу своей гендерной и сексуальной идентичности и позиции в поле является инструментом производства научного знания. Исследователи используют различные тактики управления сексуальной и гендерной идентичностью. Исследователь может скрывать свою (гомо)сексуальность в поле для того, чтобы избежать предрассудков или придавать ей амбивалентный характер, чтобы избежать влияния на информантов. Рассмотрим два случая использования противоположных тактик.

Антонио Ла Пастина из Техасского университета исследовал сельские сообщества в Бразилии, следуя тактике сокрытия своей гей-идентичности (La Pastina 2006). Как пишет исследователь, он хотел бы быть честным и этичным, не скрывать свою сексуальную ориентацию, но понимал, что в таком случае будет маргинализован в сообществе, и это отрицательно повлияет на ход исследования. В результате он «вернулся в чулан» и выдавал себя за женатого человека. Рефлексируя впоследствии по поводу этой проблемы, он пишет, что вполне понимает, что его тактика воспроизводила предрассудки, он смотрел на мир через культурные линзы гомофобного опыта и страха. Однако именно такая позиция давала беспрецедентный доступ в сообщество (La Pastina 2006:732).

Во втором случае социолог, проводя интервью с гомосексуальными мужчинами-«эскортами» (работниками сферы коммерческого секса) в Канаде, отвечал на постоянно задаваемый ему вопрос о сексуальной ориентации уклончиво и шуточно, в том числе для того, чтобы минимизировать влияние на репрезентацию сексуальной идентичности информантов. В процессе интервьюирования он старался подчеркнуть свою профессиональную асексуальную позицию. Однако социолог обнаружил, что информанты зачастую воспринимали его как по-

тенциального клиента гомосексуальных услуг. Такое наблюдение позволило проблематизировать тактики, связанные с отношениями близости/дистанцированием в процессе интервьюирования (Walby 2010).

В настоящее время гендерная социология исходит из того, что сексуальная идентичность исследователя может оказать влияние на процесс сбора и анализа информации. Существуют темы и поля эмпирического исследования, которые особенно чувствительны в отношении гендера и сексуальности исследователя. Интимные/сексуальные отношения рассматриваются не только как способ выстраивания вовлеченных реципрокных отношений, но и как проблематичные отношения власти и неравенства. Вопрос сексуализации исследовательского взаимодействия, становясь предметом осознания, позволяет проявить значимые черты социальной организации сексуальности / эротизма / интимности в определенном обществе или гендерной культуре.

Подведем итоги. Первоначальная низкая чувствительность по отношению к гендеру исследователей сменилась рефлексивностью, показывающей влияние гендерных предписаний на поведение исследователей, на взаимодействие с информантами в ходе полевой работы. Исследовательское интервью рассматривается как гендерно маркированная ситуация, в рамках которой исследователи действуют в соответствии с гендерными ролями/предписаниями. Отношения неравенства/власти зависят от контекста – кто кого и о чем спрашивает, от возраста, статуса, этнической, национальной и сексуальной принадлежности взаимодействующих лиц. Предположения о том, что исследователь/-ница – это человек, обладающий только когнитивными свойствами, сменилось рефлексией по поводу телесности и сексуальности. Это произошло в ходе осознания значимости субъективности, реципрокности, сотрудничества в полевой работе.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Внимание к гендерным измерениям изучаемого предмета, а также к гендерным и сексуальным аспектам взаимодействий может развиваться на всех этапах исследования. Первый этап – доступ к полю – часто вызывает сложности. Однако они могут быть превращены в преимущества. Получено много отказов в доступе к полю и в интервью? Отлично! О чем свидетельствуют эти отказы? Почему женщины/мужчины находят время для ответа на одни вопросы, и не находят – на другие? Каково гендерное измерение таких проблем?

Наш опыт показывает, что в российском контексте женщины охотно дают интервью об организации быта, обеспечении здоровья ребенка, заботе о пожилых родственниках, а мужчины уклоняются от разговоров о рутине домашнего труда (Здравомыслова, Роткирх, Тёмкина 2009). Почему это происходит? В интервью о сексуальной жизни мужчины часто «сбиваются» на абстракции и нормативные суждения, а женщины подробно и в деталях рассказывают о драматическом / романтическом / телесном опыте (Тёмкина 2008). Чем это вызвано? Почему вопрос о контрацепции вызывает у (некоторых) информанток раздражение, а вопрос об

абортах – и вовсе нежелание говорить на заданную тему? Эти «почему» возникают в любом исследовании.

Мы пришли к следующему, казалось бы, простому выводу. Необходимо развивать исследовательскую рефлексивность. Необходимо *быть внимательным к отказам от интервью и их гендерному измерению. Такая рефлексивность может показать, как работают гендерные практики и нормы в данном конкретном контексте.* Не стоит оставлять без внимания отказы и иные препятствия в доступе к полю. Постараемся превратить их в материал для рассуждения и постановки следующих вопросов. Может быть, отцы некомпетентны в организации питания и вопросах здоровья, но не хотят это проявить? Может быть, мужчины, следующие паттернам гегемонной маскулинности, считают неуместным рассказывать посторонним о своей интимной жизни или у них нет развитого словаря, который женщины черпают из журналов и романов и повседневных разговоров? Может быть, разговор о контрацепции/абортах воспринимается женщинами как обсуждение их моральных качеств? И так далее. У нас нет готовых ответов – только рекомендация быть бдительными.

Другое напутствие самим себе и нашим коллегам – постараться *быть гендерно чувствительными к тем взаимодействиям, которые осуществляются в полевом исследовании.* Нам представляется, что нужно находить ту формулировку своей задачи, которая понятна информантам, и которая может их заинтересовать. Возникает вопрос: как это сделать? Какую роль занять при осуществлении исследования? Мы не знаем заранее – может быть, информанты захотят помочь студенту выполнить задание (они сами недавно были студентами, или их дети сейчас заканчивают вузы), возможно, им интересно продемонстрировать свои профессиональные навыки или осмыслить свой жизненный путь; возможно, наши информанты реально заинтересованы в исследовании и ждут его результатов, или они не смогли устоять перед обаянием мотивированного исследователя. Все исследовательские взаимодействия гендерно окрашены. Конвенции гендерного порядка сказываются в отношении к исследователю. Позиция «наивного слушателя» рассматривается как более уместная для молодой исследовательницы, в отличие от исследователя-мужчины зрелого возраста. Профессиональные навыки могут иначе демонстрировать женщине, по сравнению с мужчиной, поскольку им приписывается разный уровень компетенции. Мы должны иметь в виду, что исследователь/-ница может восприниматься как сексуальный объект, как актер, который участвует в воспроизводстве гендерных стереотипов или, напротив, содействует их поломке. Гендерные различия проявляются в любой коммуникации – и в исследовательской в том числе. Их практически невозможно нейтрализовать и потому их нужно сделать инструментом исследователя. Гендерные различия проявляются особым образом при исследовании сензитивных тем. Среди них – темы, которые конвенция относит к сфере личной жизни (сексуальные практики, аборты, разводы, болезни, беременности, роды и пр.), но не только они.

Существует вопрос о том, проявлять ли в коммуникации с информантами и, если проявлять, то в какой степени, феминистские взгляды / гендерную чув-

ствительность? В нашей практике были случаи, когда представители консервативных движений могли заподозрить феминистскую или либеральную идеологию исследователя и отказаться иметь с ними дело. Это трудный вопрос. С одной стороны, мы идем в поле не как пропагандисты, а для того, чтобы понять позицию людей и их опыт. С другой, нас действительно могут возмущать, например, сексистские (расистские, ксенофобные, гомофобные и пр.) взгляды. Попробуем и эту ситуацию столкновения ценностей превратить в материал для исследовательской рефлексии. О чем говорит нам, например, опыт молодой женщины-социолога, возмущившейся в ходе интервью двойным стандартом и сексизмом мужчины средних лет, который терпимо, «с пониманием» относится к сексуальной свободе мужчин, считая ее привилегией своего пола, и категорически не приемлет сексуальную свободу женщин? По всей вероятности, такая реакция исследовательницы свидетельствует о том, что ее ценности и ценности ее информанта существенно различаются, если не полностью противоположны. Возможно, эти различия свидетельствуют о поколенческом и гендерном сдвиге в отношении сексуальных норм. Молодая исследовательница рассматривает двойной стандарт как несправедливость, которая вызывает у нее протест. Делать выводы еще рано (а от возмущения постараемся воздержаться), однако конфликт позиций можно взять на заметку и проверить в ходе дальнейшего исследования.

Другой пример. Нам случалось сталкиваться с отказом исследователей работать с гомофобными или ксенофобными текстами, противоречащими их убеждениям и вызывающими слишком сильное эмоциональное отторжение. Можно отказаться от таких полей, а можно прислушаться к тому, что такие данные сообщают нам о гендерном порядке – например, о том, что происходит пересмотр ценностей, остро переживается восприятие гомосексуальности, усиливается конфликт гомофобных и толерантных взглядов, происходит артикуляция травмирующего опыта, ранее воспринимавшегося как сугубо приватный и пр.

В заключение сделаем выводы, принимая во внимание рекомендации тех, кто учитывает специфику исследования гендерных различий и феминистскую проблематику (DeVault 1999:195–232).

Первое. Феминистский социолог Маржори Дево рекомендует гендерным исследователям создавать собственное би-/мультилингвистическое пространство коммуникации, выходящее за пределы академии и политики (DeVault 1999:198–202). Это означает, что исследователь должен уметь говорить на разных социальных языках: на языке здравого смысла, на конвенциональном языке социологического знания и на языке феминистских дебатов. Необходим особый навык: умение говорить об исследовании с разными аудиториями, заинтересованной общественностью и информантами. Такой же совет дают приверженцы принципов публичной социологии (Burawoy 2014).

Второе. Необходимо быть готовым к вовлеченности и сильным эмоциям, которые могут возникнуть в поле, желательно обращать на них внимание, но не позволять эмоциям нанести ущерб профессиональной социологической работе. Мы не всегда можем предвидеть, какие именно переживания нас ожидают в поле, однако их редко удается избежать. Эмоции могут быть гендерно и сексуально

окрашены. Их интерпретация помогает понять не только некоторые свойства гендерного порядка, но и позицию исследователя и влияние этой позиции на исследовательский процесс.

Третье. Феминистское исследование опирается на принципы этики заботы и эгалитарных отношений в поле. Мы не отказываемся от этого принципа, принимая во внимание проблемы, которые может порождать близость и интимность, и рефлексировав по их поводу. Ориентируясь на сотрудничество с информантами, мы стараемся понять его ограничения и зависимость от конкретного контекста, не забывая о том, что сотрудничество гендерно (а иногда и сексуально) окрашено. Этика заботы распространяется и на сообщество исследователей. Дево дает совет исследователям выстраивать свои пространства заботы и поддержки (DeVault 1999:198–202).

Четвертое. Ценности исследователя оказывают влияние на постановку вопроса, на все стадии исследовательского процесса, но желательно, чтобы они ему не препятствовали и не предвосхищали результат. Необходимо быть готовым к тому, что в обществе, где мы живем и работаем, распространены сексистские и гомофобные взгляды, негативное отношение к феминизму. Индивидуальный опыт и практики информантов и некоторых коллег находятся под влиянием структур неравенства, эгалитарные практики могут оказаться не настолько распространенными, как это представляется молодым образованным людям, вооруженным гендерной оптикой.

Пятое. Если исследователи ориентированы на политический эффект своей научной работы и социальные изменения, необходимо культивировать те аудитории, которые могут практически использовать результаты исследований и новые знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Здравомыслова, Елена, Анна Роткирх и Анна Тёмкина, ред. 2009. *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Здравомыслова, Елена, Вероника Пасынкова, Анна Тёмкина и Ольга Ткач. 2010. «Введение». С. 6–25 в *Практики и идентичности: гендерное устройство*, под ред. Елены Здравомысловой, Вероники Пасынковой, Анны Тёмкиной и Ольги Ткач. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Лукач, Георг. [1923] 2003. *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. М.: Логос-Альтера.
- Мещеркина, Елена. 2001. «Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения». С. 197–237 в *Введение в гендерные исследования*. Ч. I. Учебное пособие, под ред. Ирины Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя.
- Рождественская, Елена. 2012. *Биографический метод в социологии*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Романов, Павел и Елена Ярская-Смирнова. 2008а. *Методы прикладных социальных исследований*. 2-е изд. М.: ООО «Вариант».
- Романов, Павел и Елена Ярская-Смирнова, ред. 2008б. *Общественная роль социологии*. М.: ООО «Вариант».
- Смит, Дороти. [1989] 2000. «Социологическая теория: методы патриархатного письма». С. 29–63 в *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Тёмкиной. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин».

- Спивак, Гайятри. [1988] 2001. «Могут ли угнетенные говорить?». С. 649–670 в *Введение в гендерные исследования*. Ч. II. Хрестоматия, под ред. Сергея Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя.
- Тёмкина, Анна. 2008. *Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой*. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Турен, Ален. [1984] 1998. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. М.: Научный мир.
- Фрейре, Паулу. [1968] 2007. «Педагогика угнетенных, или общество без школ». *Автоном* 16. Просмотрено 13 февраля 2014 года (www.avtonom.org/papers/16_pedagogics.html).
- Arendell, Terry. 1997. "Reflections on the Researcher-Researched Relationship: A Woman Interviewing Men." *Qualitative Sociology* 20(3):341–368.
- Burawoy, Michael. 2014. "Sociology as a Vocation: Moral Commitment and Scientific Imagination." *Current Sociology*, January 7. Published online before print. Retrieved February 13, 2014 (<http://csi.sagepub.com/content/early/2014/01/07/0011392113515796>).
- Campbell, Marie L. 1998. "Institutional Ethnography and Experience as Data." *Qualitative Sociology* 21(1):55–73.
- DeVault, Marjorie L. 1999. *Liberating Method: Feminism and Social Research*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
- DeVault, Marjorie L. 2006. "Introduction: What Is Institutional Ethnography?" *Social Problems* 53(3):294–298.
- Finch, Janet. 1984. "'It's Great to Have Someone to Talk To': The Ethics and Politics of Interviewing Women." Pp. 70–88 in *Social Researching: Politics, Problems, Practice*, edited by C. Bell and H. Roberts. London: Routledge and Kegan Paul.
- Fonow, Mary M. and Judith A. Cook, eds. 1991. *Beyond Methodology: Feminist Scholarship as Lived Research*. Bloomington: Indiana University Press.
- Fonow, Mary M. and Judith A. Cook. 2005. "Feminist Methodology: New Applications in the Academy and Public Policy." *Signs* 30(4):2211–2236.
- Golde, Peggy, ed. 1970. *Women in the Field: Anthropological Experiences*. Chicago: Aldine.
- Gorelick, Sherry. 1991. "Contradictions of Feminist Methodology." *Gender & Society* 5(4):459–477.
- Graham, Hilary. 1983. "Do Her Answers Fit His Questions? Women and the Survey Method." Pp. 132–147 in *The Public and the Private*, edited by Eva Gamarnikow, David Morgan, Jane Purvis, and Daphne Taylorson. London: Heinemann.
- Haraway, Donna. 1988. "Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives." *Feminist Studies* 14(3):575–599.
- Harding, Sandra. 1987. *Feminism and Methodology: Social Science Issues*. Bloomington: Indiana University Press.
- Harding, Sandra and Kathryn Norberg. 2005. "New Feminist Approaches to Social Science Methodologies: An Introduction." *Signs* 30(4):2009–2015.
- Horn, Rebecca. 1997. "Not One of the Boys: Women Researching the Police." *Journal of Gender Studies* 6(3):297–308.
- Kasper, Anne S. 1994. "A Feminist Qualitative Methodology: A Study of Women with Breast Cancer." *Qualitative Sociology* 17(3):263–281.
- La Pastina, Antonio C. 2006. "The Implications of an Ethnographer's Sexuality." *Qualitative Inquiry* 12(4):724–735.
- MacKinnon, Catharine. 1989. *Toward a Feminist Theory of the State*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Malo de Molina, Marta. 2004a. *Common Notions, Part 1: Workers-Inquiry, Co-Research, Consciousness-Raising*. European Institute for Progressive Cultural Politics. Retrieved February 13, 2014 (<http://eipcp.net/transversal/0406/malo/en>).
- Malo de Molina, Marta. 2004b. *Common Notions, Part 2: Institutional Analysis, Participatory Action-Research, Militant Research*. European Institute for Progressive Cultural Politics. Retrieved February 13, 2014 (<http://eipcp.net/transversal/0707/malo/en>).

- Mies, Maria. 1983. "Towards a Methodology for Feminist Research." Pp. 117–140 in *Theories of Women's Studies*, edited by Gloria Bowles and Renate Duelli Klein. London: Routledge and Kegan Paul.
- Millen, Dianne. 1997. "Some Methodological and Epistemological Issues Raised by Doing Feminist Research on Non-Feminist Women." *Sociological Research Online* 2(3):2–18.
- Oakley, Ann. 1979. *Becoming a Mother*. Oxford: Martin Robertson.
- Oakley, Ann. 1981. "Interviewing Women: A Contradiction in Terms." Pp. 30–61 in *Doing Feminist Research*, edited by Helen Roberts. London: Routledge and Kegan Paul.
- Olesen, Virginia L. 2000. "Feminisms and Qualitative Research at and into the Millennium." Pp. 215–255 in *Handbook of Qualitative Research*, edited by Norman Denzin and Yvonna S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Oliffe, John and Lawrence Mroz. 2005. "Men Interviewing Men about Health and Illness: Ten Lessons Learned." *The Journal of Men's Health & Gender* 2(2):257–260.
- Pini, Barbara. 2005. "Interviewing Men: Gender and the Collection and Interpretation of Qualitative Data." *Journal of Sociology* 41(2):201–216.
- Reinharz, Shulamit. 1979. *On Becoming a Social Scientist*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Reinharz, Shulamit. 1992. *Feminist Methods in Social Research*. New York: Oxford University Press.
- Reinharz, Shulamit. 1993. "Neglected Voices and Excessive Demand in Feminist Research." *Qualitative Sociology* 16(1):69–76.
- Sarachild, Kathie. 1978. "Consciousness-Raising: A Radical Weapon." Pp. 144–150 in *Feminist Revolution*. New York: Random House. Retrieved February 27, 2014 (<http://library.duke.edu/rubenstein/scriptorium/wlm/fem/sarachild.html>).
- Schwalbe, Mikhael and Michelle Wolkomir. 2001. "The Masculine Self as Problem and Resource in Interview Studies of Men." *Men and Masculinities* 4(1):90–103.
- Smith, Dorothy. 1979. "A Sociology for Women." Pp. 135–187 in *The Prism of Sex: Essays in the Sociology of Knowledge*, edited by Julia A. Sherman and Evelyn Torton. Madison: University of Wisconsin Press.
- Smith, Dorothy. 1990. *The Conceptual Practices of Power: A Feminist Sociology of Knowledge*. Toronto: University of Toronto Press.
- Smith, Dorothy. 2005. *Institutional Ethnography: A Sociology for People*. Lanham, MD: AltaMira Press.
- Stacey, Judith. 1988. "Can There Be a Feminist Ethnography?" *Women Studies International Forum* 2(1):21–27.
- Walby, Kevin. 2010. "Interviews as Encounters: Issues of Sexuality and Reflexivity When Men Interview Men about Commercial Same Sex Relations." *Qualitative Research* 10(6):639–675.
- Warren, Carol A. B. 1988. *Gender Issues in Field Research*. London: Sage.
- Warren, Carol A. B. 2001. "Gender and Fieldwork Relations." Pp. 203–223 in *Contemporary Field Research Perspectives and Formulations*, edited by Robert M. Emerson, 2nd ed. Prospect Heights, IL: Waveland Press.
- Warren, Carol A. B. and Paul K. Rasmussen. 1977. "Sex and Gender in Field Research." *Urban Life* 6(3):349–367.
- Watts, Jacqueline. 2006. "The Outsider Within: Dilemmas of Qualitative Feminist Research within a Culture of Resistance." *Qualitative Research* 6(3):385–402.
- Williams, Christine L. and E. Joel Heikes. 1993. "The Importance of Researcher's Gender in the In-Depth Interview: Evidence from Two Case Studies of Male Nurses." *Gender & Society* 7(2):280–291.

FEMINIST REFLECTIONS ON FIELDWORK

Elena Zdravomyslova, Anna Temkina

Elena Zdravomyslova is a professor at the European University at St. Petersburg and project coordinator at the Centre for Independent Social Research. Address for correspondence: European University at St. Petersburg, Gagarinskaia ulitsa, 3, Saint Petersburg, 191187, Russia. zdrav@eu.spb.ru.

Anna Temkina is a professor at the European University at St. Petersburg and the Novartis Chair in Public Health and Gender. Address for correspondence: European University at St. Petersburg, Gagarinskaia ulitsa, 3, Saint Petersburg, 191187, Russia. temkina@eu.spb.ru.

We are grateful to Marina Hakkarainen for helpful comments and to all our students and colleagues with whom we have discussed feminist methods and methodologies of field research.

In this article we contemplate feminist research and the practical concerns it raises. We discuss the principles of feminist fieldwork, including the ethics of care, cooperation between researcher and informant, acknowledgment of the situated nature of knowledge production, and the role of new knowledge in the empowerment of informants. We also consider the questions these principles raise: Are there any particular feminist methods? Can giving voice to the oppressed help explain structural inequalities? Is it possible to apply egalitarian principles in research? What problems in the field might be caused by an ethics of care? Although these dilemmas of the feminist approach to research are widely discussed in the international literature, they are almost completely absent from Russian academic discourse. In this article we also reflect upon the role of the gender and sexuality of the researcher in fieldwork. In our conclusion, we offer some considerations regarding ways of making research more sensitive to questions of gender.

Keywords: Field Research; Feminism; Gender; Reflexivity; Consciousness-Raising Groups; Empowerment; Experiences of Oppressed Groups; Ethics; Researcher Experiences

REFERENCES

- Arendell, Terry. 1997. "Reflections on the Researcher-Researched Relationship: A Woman Interviewing Men." *Qualitative Sociology* 20(3):341–368.
- Burawoy, Michael. 2014. "Sociology as a Vocation: Moral Commitment and Scientific Imagination." *Current Sociology*, January 7. Published online before print. Retrieved February 13, 2014 (<http://csi.sagepub.com/content/early/2014/01/07/0011392113515796>).
- Campbell, Marie L. 1998. "Institutional Ethnography and Experience as Data." *Qualitative Sociology* 21(1):55–73.
- DeVault, Marjorie L. 1999. *Liberating Method: Feminism and Social Research*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
- DeVault, Marjorie L. 2006. "Introduction: What Is Institutional Ethnography?" *Social Problems* 53(3):294–298.

- Finch, Janet. 1984. "It's Great to Have Someone to Talk To': The Ethics and Politics of Interviewing Women." Pp. 70–88 in *Social Researching: Politics, Problems, Practice*, edited by C. Bell and H. Roberts. London: Routledge and Kegan Paul.
- Fonow, Mary M. and Judith A. Cook, eds. 1991. *Beyond Methodology: Feminist Scholarship as Lived Research*. Bloomington: Indiana University Press.
- Fonow, Mary M. and Judith A. Cook. 2005. "Feminist Methodology: New Applications in the Academy and Public Policy." *Signs* 30(4):2211–2236.
- Freire, Paulo. [1968] 2007. "Pedagogika ugnetennykh, ili obshchestvo bez shkol." *Avtonom* 16. Retrieved February 13, 2014 (www.avtonom.org/papers/16_pedagogics.html).
- Golde, Peggy, ed. 1970. *Women in the Field: Anthropological Experiences*. Chicago: Aldine.
- Gorelick, Sherry. 1991. "Contradictions of Feminist Methodology." *Gender & Society* 5(4):459–477.
- Graham, Hilary. 1983. "Do Her Answers Fit His Questions? Women and the Survey Method." Pp. 132–147 in *The Public and the Private*, edited by Eva Gamarnikow, David Morgan, Jane Purvis, and Daphne Taylorson. London: Heinemann.
- Haraway, Donna. 1988. "Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives." *Feminist Studies* 14(3):575–599.
- Harding, Sandra. 1987. *Feminism and Methodology: Social Science Issues*. Bloomington: Indiana University Press.
- Harding, Sandra and Kathryn Norberg. 2005. "New Feminist Approaches to Social Science Methodologies: An Introduction." *Signs* 30(4):2009–2015.
- Horn, Rebecca. 1997. "Not One of the Boys: Women Researching the Police." *Journal of Gender Studies* 6(3):297–308.
- Kasper, Anne S. 1994. "A Feminist Qualitative Methodology: A Study of Women with Breast Cancer." *Qualitative Sociology* 17(3):263–281.
- La Pastina, Antonio C. 2006. "The Implications of an Ethnographer's Sexuality." *Qualitative Inquiry* 12(4):724–735.
- Lukács, György. [1923] 2003. *Istoriia i klassovoe soznanie: Issledovaniia po marksistskoi dialektike*. Moscow: Logos-Al'tera.
- MacKinnon, Catharine. 1989. *Toward a Feminist Theory of the State*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Malo de Molina, Marta. 2004a. *Common Notions, Part 1: Workers-Inquiry, Co-Research, Consciousness-Raising*. European Institute for Progressive Cultural Politics. Retrieved February 13, 2014 (<http://eipcp.net/transversal/0406/malo/en>).
- Malo de Molina, Marta. 2004b. *Common Notions, Part 2: Institutional Analysis, Participatory Action-Research, Militant Research*. European Institute for Progressive Cultural Politics. Retrieved February 13, 2014 (<http://eipcp.net/transversal/0707/malo/en>).
- Meshcherkina, Elena. 2001. "Feministskii podkhod k interpretatsii kachestvennykh dannykh: Metody analiza teksta, interaktsii i izobrazheniia." Pp. 197–237 in *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, Vol. I, *Uchebnoe posobie*, edited by Irina Zhrebkina. Kharkiv: KhtSGI; Saint Petersburg: Aleteiia.
- Mies, Maria. 1983. "Towards a Methodology for Feminist Research." Pp. 117–140 in *Theories of Women's Studies*, edited by Gloria Bowles and Renate Duelli Klein. London: Routledge and Kegan Paul.
- Millen, Dianne. 1997. "Some Methodological and Epistemological Issues Raised by Doing Feminist Research on Non-Feminist Women." *Sociological Research Online* 2(3):2–18.
- Oakley, Ann. 1979. *Becoming a Mother*. Oxford: Martin Robertson.
- Oakley, Ann. 1981. "Interviewing Women: A Contradiction in Terms." Pp. 30–61 in *Doing Feminist Research*, edited by Helen Roberts. London: Routledge and Kegan Paul.
- Olesen, Virginia L. 2000. "Feminisms and Qualitative Research at and into the Millennium." Pp. 215–255 in *Handbook of Qualitative Research*, edited by Norman Denzin and Yvonna S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Oliffe, John and Lawrence Mroz. 2005. "Men Interviewing Men about Health and Illness: Ten Lessons Learned." *The Journal of Men's Health & Gender* 2(2):257–260.

- Pini, Barbara. 2005. "Interviewing Men: Gender and the Collection and Interpretation of Qualitative Data." *Journal of Sociology* 41(2):201–216.
- Reinharz, Shulamit. 1979. *On Becoming a Social Scientist*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Reinharz, Shulamit. 1992. *Feminist Methods in Social Research*. New York: Oxford University Press.
- Reinharz, Shulamit. 1993. "Neglected Voices and Excessive Demand in Feminist Research." *Qualitative Sociology* 16(1):69–76.
- Romanov, Pavel and Elena Iarskaia-Smirnova. 2008a. *Metody prikladnykh sotsial'nykh issledovaniï*. 2nd ed. Moscow: OOO "Variant."
- Romanov, Pavel and Elena Iarskaia-Smirnova, ed. 2008b. *Obshchestvennaia rol' sotsiologii*. Moscow: OOO "Variant."
- Rozhdestvenskaia, Elena. 2012. *Biograficheskii metod v sotsiologii*. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE.
- Sarachild, Kathie. 1978. "Consciousness-Raising: A Radical Weapon." Pp. 144–150 in *Feminist Revolution*. New York: Random House. Retrieved February 27, 2014 (<http://library.duke.edu/rubenstein/scriptorium/wlm/fem/sarachild.html>).
- Schwalbe, Mikhael and Michelle Wolkomir. 2001. "The Masculine Self as Problem and Resource in Interview Studies of Men." *Men and Masculinities* 4(1):90–103.
- Smith, Dorothy. 1979. "A Sociology for Women." Pp. 135–187 in *The Prism of Sex: Essays in the Sociology of Knowledge*, edited by Julia A. Sherman and Evelyn Torton. Madison: University of Wisconsin Press.
- Smith, Dorothy. [1989] 2000. "Sotsiologicheskaia teoriia: Metody patriarkhatnogo pis'ma." Pp. 29–63 in *Khrestomatiia feministsskikh tekstov: Perevody*, edited by Elena Zdravomyslova and Anna Temkina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Dmitrii Bulanin."
- Smith, Dorothy. 1990. *The Conceptual Practices of Power: A Feminist Sociology of Knowledge*. Toronto: University of Toronto Press.
- Smith, Dorothy. 2005. *Institutional Ethnography: A Sociology for People*. Lanham, MD: AltaMira Press.
- Spivak, Gayatri. [1988] 2001. "Mogut li ugnetennye govorit'?" Pp. 649–670 in *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, Vol. II, *Khrestomatiia*, edited by Sergei Zhrebkin. Kharkiv: KhTsGI; Saint Petersburg: Aleteiia.
- Stacey, Judith. 1988. "Can There Be a Feminist Ethnography?" *Women Studies International Forum* 2(1):21–27.
- Temkina, Anna. 2008. *Seksual'naia zhizn' zhenshchiny: Mezhdû podchineniem i svobodoi*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb.
- Touraine, Alain. [1984] 1998. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuiushchego: Ocherk sotsiologii*. Moscow: Nauchnyi mir.
- Walby, Kevin. 2010. "Interviews as Encounters: Issues of Sexuality and Reflexivity When Men Interview Men about Commercial Same Sex Relations." *Qualitative Research* 10(6):639–675.
- Warren, Carol A. B. 1988. *Gender Issues in Field Research*. London: Sage.
- Warren, Carol A. B. 2001. "Gender and Fieldwork Relations." Pp. 203–223 in *Contemporary Field Research Perspectives and Formulations*, edited by Robert M. Emerson, 2nd ed. Prospect Heights, IL: Waveland Press.
- Warren, Carol A. B. and Paul K. Rasmussen. 1977. "Sex and Gender in Field Research." *Urban Life* 6(3):349–367.
- Watts, Jacqueline. 2006. "The Outsider Within: Dilemmas of Qualitative Feminist Research within a Culture of Resistance." *Qualitative Research* 6(3):385–402.
- Williams, Christine L. and E. Joel Heikes. 1993. "The Importance of Researcher's Gender in the In-Depth Interview: Evidence from Two Case Studies of Male Nurses." *Gender & Society* 7(2):280–291.
- Zdravomyslova, Elena, Anna Rotkirch, and Anna Temkina, eds. 2009. *Novyi byt v sovremennoi Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb.
- Zdravomyslova, Elena, Veronika Pasyukova, Anna Temkina, and Ol'ga Tkach. 2010. "Vvedenie." Pp. 6–25 in *Praktiki i identichnosti: Gendernoe ustroïstvo*, edited by Elena Zdravomyslova, Veronika Pasyukova, Anna Temkina, and Ol'ga Tkach. Saint Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb.